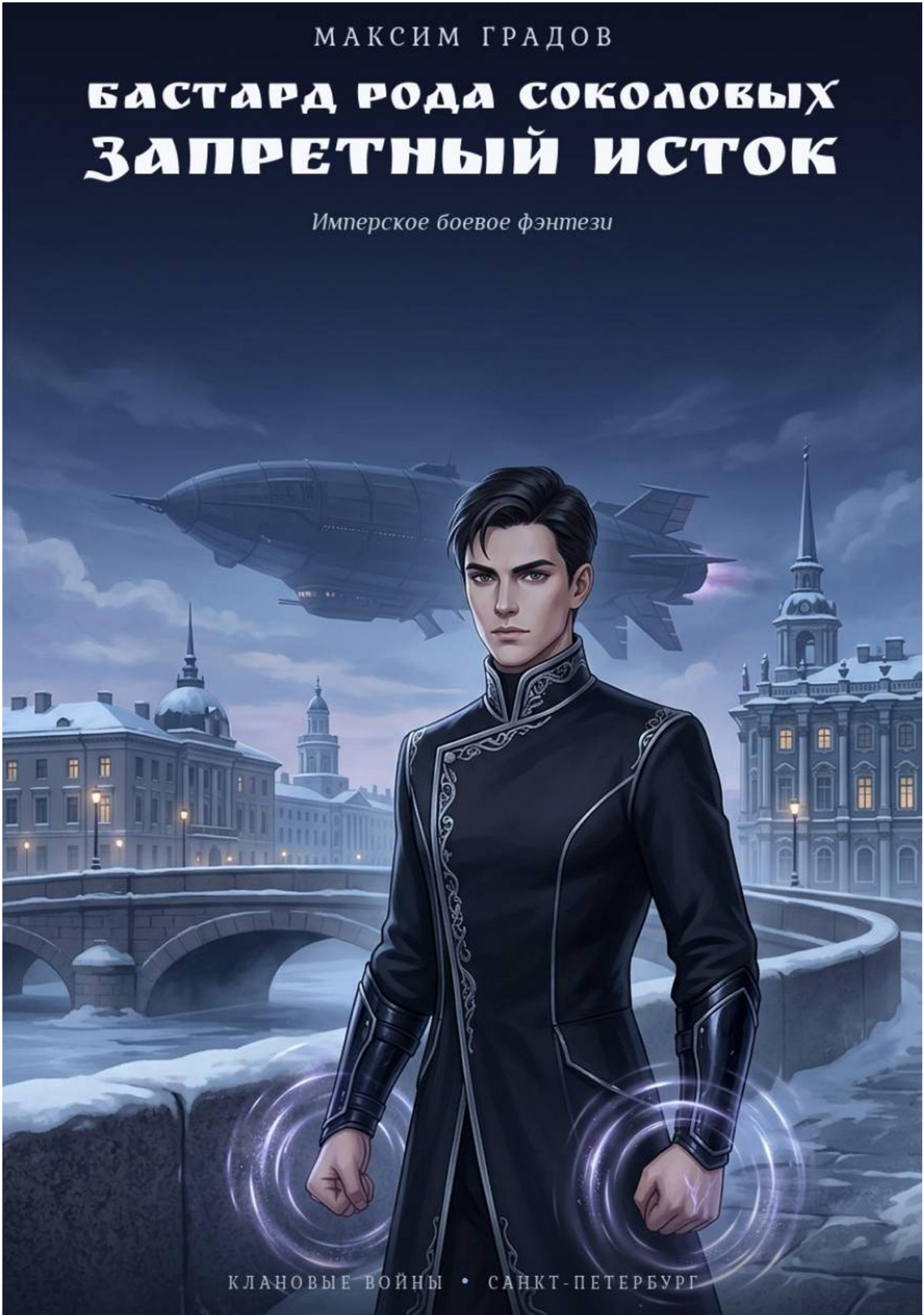
МАКСИМ ГРАДОВ

БАСТАРД РОДА СОКОЛОВЫХ
ЗАПРЕТНЫЙ ИСТОК

Имперское боевое фэнтези



КЛАНОВЫЕ ВОЙНЫ • САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Максим Градов

Бастард рода Соколовых
Запретный исток

«Автор»
2026

Градов М.

Бастард рода Соколовых Запретный исток / М. Градов — «Автор», 2026

Пять лет назад великий клан Соколовых был вероломно уничтожен столичной знатью, а его последний выживший бастард Ярослав сослан на окраину империи с выжженными каналами маны. Казалось, имя древнего рода стерто навсегда. Но когда столичные юнкеры попытались утопить юношу в ледяном доке Кронштадта, в его теле проснулась душа закаленного боевого офицера. Смертельный стресс сорвал печати инквизиции и пробудил то, чего веками панически боялись столичные аристократы: Запретный Кинетический Исток. Ярослав не пользуется стихийной магией: он управляет векторами физического импульса, разгоняя обычные монеты до скорости орудийного снаряда и обращая вражеское пламя против самих нападавших. Впереди дуэли на манежах, смертельные интриги князя Шуйского и великая битва за возрождение клана.

© Градов М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ледяной док 5
Глава 2. Кровь и вектор 9
Глава 3. Родовое железо 13
Глава 4. Плац унижений 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Максим Градов
Бастард рода Соколовых Запретный исток

Глава 1. Ледяной док

Ледяная вода Финского залива забивала рот горечью машинного масла и бурой ржавчиной.

Воздух в легких кончился секунды три назад. Ребра с правой стороны отзывались тупой, ноющей болью, словно по ним от души прошлись кованым армейским сапогом. Сознание полковника Ярослава Северцева не задавало глупых вопросов о том, где именно разорвалась та проклятая мина в горном ущелье. Офицерская выучка требовала одного: немедленно запустить сердце, вытолкнуть тяжелое, непослушное тело на поверхность и оценить сектора обстрела.

Пальцы нащупали скользкое, покрытое тиной днище сухого дока. Толчок ног вышел слабым, жалким, чужим. Это тело было тоньше, легче и заметно моложе его привычной боевой оболочки, но кости были целы.

Ярослав вынырнул между клепаных бортов ремонтного баркаса, жадно втянул стылый воздух и тут же замер, прижавшись затылком к обледенелой балке.

Сверху, с гранитной набережной Кронштадтского юнкерского плаца, доносился откровенный глумливый смех.

«Смотри-ка, граф, вынырнул щенок! Живучий, падаль!» раздался звонкий, срывающийся на визг юношеский голос.

«Пусть побарахтается еще пару минут, Родион. Вода градусов пять, не больше. К утренней поверке как раз окоченеет, и никакая комиссия не придерется: поскользнулся бастард на обледенелых ступенях, с кем по пьяни не бывает», ответил второй голос, густой, сытый и привыкший повелевать.

Ярослав медленно перевел дыхание через нос. Взгляд спецназовца мгновенно зафиксировал обстановку: каменный колодец дока глубиной метров шесть, ржавые железные скобы ведут наверх, но на краю парапета стоят трое. На них были темно-синие шинели с серебряными петлицами Кронштадтского корпуса одаренных, форменные фуражки с золочеными кокардами и тяжелые перчатки из плотной замши.

В памяти вспыхнул короткий чужой пласт воспоминаний, острый, словно осколок снаряда.

Тело принадлежало Ярославу Соколову. Семнадцать лет. Незаконнорожденный сын князя Дмитрия Соколова, чью фамилию пять лет назад показательно вырезали под корень по обвинению в государственной измене. Родовые земли отобрали, герб растоптали, а пацана сослали на островную окраину, предварительно выжегши каналы внутренней энергии печатью Тайного Приказа. Столичные мажоры, сосланные сюда за пьяные дебоши отцами-сенаторами, превратили жизнь последнего Соколова в непрерывный ад.

Тот, что стоял по центру, высокий, с холеным породистым лицом и хищным прищуром темных глаз, носил фамилию Воронцов. Виктор Воронцов, наследник графского дома, маг огня седьмого ранга. Слева от него ухмылялся барон Родион Вальц, столичный щеголь с замашками садиста.

«Эй, Соколов! Подай голос!» крикнул Вальц, перегибаясь через чугунные перила. «Попроси у графа прощения на коленях, поклянись, что до конца года будешь чистить наши сапоги своим языком, и мы, так и быть, сбросим тебе швартовочный конец!»

Ярослав молчал. Он аккуратно размял затекшие пальцы, проверяя подвижность суставов. Внутри грудной клетки, там, где у прежнего владельца тела зияла обугленная пустота запечатанного магического источника, происходило нечто странное.

Клеймо Тайного Приказа, наложенное столичными палачами, не выдержало момента клинической смерти. Рунные контуры, предназначенные для подавления стихийного огня или холода, треснули. Сквозь эти трещины в кровь толчками хлынула не мана. Это была тяжелая, плотная, вибрирующая сила, похожая на сжатую до предела гидравлическую пружину.

Ярослав мгновенно узнал эту природу. Это было то, с чем он работал всю жизнь в баллистических лабораториях и на полигонах: кинетическая энергия, вектор прямого импульса, ускорение массы.

Векторный исток. Древняя кровь Соколовых пробудилась в ответ на вторжение боевой офицерской воли.

«Он оглох там, что ли?» раздраженно бросил Воронцов. На кончиках его пальцев заплясали багровые искры чистого стихийного пламени. «А ну-ка, подогрей его, Родион. Только не насмерть, нам еще протокол для коменданта закрывать».

Вальц оскалился, вскинул правую руку и щелкнул пальцами. С его ладони сорвалась шипящая дуга электрического разряда. Голубая молния с сухим треском вспорола сумрак дока, целясь точно в плечо Ярослава.

Обычный человек дернулся бы, попытался нырнуть и получил бы парализующий гидроудар в сердце.

Ярослав даже не моргнул. Он видел траекторию движения заряженных частиц не как магическое чудо, а как физический вектор, несущий импульс в пять килоджоулей.

Внутренний исток в груди отозвался глухим, низким гулом.

Ярослав поднял мокрую ладонь навстречу летящей молнии. В момент соприкосновения электрического фронта с кожей он не стал строить щитов. Он просто мысленно захватил вектор скорости движения разряда и повернул его ровно на девяносто градусов в сторону массивной железной балки, вбитой в гранитное дно.

Раздался оглушительный металлический звон. Голубая дуга без остатка ушла в ржавый металл, выбив сноп рыжих искр. Тело Ярослава не получило даже царапины.

Сверху на мгновение воцарилась гробовая тишина.

«Что за чертовщина?» пробормотал Вальц, ошарашенно глядя на свои пальцы. «Он заземлил мой разряд? Бездарь без искры?»

«Случайность», холодно процедил Воронцов. «Схватился за железо в воде. Бросьте в него якорную цепь. Вытащите падаль наверх, я сам выжгу ему оставшиеся зубы».

Третий юнкер, коренастый подручный Воронцова, с грохотом перевалил через бордюр тяжелую стальную цепь толщиной в два пальца. Железные звенья с визгом полетели вниз, целясь переломать бастарду ключицы.

Это была идеальная масса. Почти сорок килограммов закаленной корабельной стали, падающие с ускорением свободного падения.

Ярослав шагнул вперед по илистому дну. Он встретил летящий конец цепи обеими руками, но не попытался остановить его грубой силой мышц. В момент касания он вошел в резонанс с кинетической массой железа, закрутил импульс по спирали вокруг предплечья и резко послал встречную волну натяжения обратно вверх.

Вектор гравитации умножился на импульс его собственной пробужденной силы.

Раздался короткий, страшный крик. Коренастого юнкера, который держал верхний конец цепи на пирсе, сорвало с гранитной кромки, словно соломинку. Он кубарем полетел в каменный мешок дока, не успев даже поставить защитное плетение.

Удар о скользкие камни дна вышел глухим и тяжелым. Парень захрипел, ломая берцовую кость, и рухнул в черную жижу.

«Мартынов!» заорал Вальц, отшатываясь от парапета.

Воронцов побелел от ярости. Его графское самолюбие треснуло. Огненное плетение на его руках вспыхнуло с утроенной силой, раздуваясь в полуметровый шар ревущего багрового пламени.

«Ты сдохнешь, выродок!» прорычал Воронцов. «Никакой комендант тебя не спасет!»

Огненный шар, ревя раскаленным воздухом, сорвался с набережной и понесся вниз по крутой дуге, освещая серые стены дока кровавым заревом.

Ярослав не сдвинулся ни на миллиметр. Офицер хладнокровно зафиксировал точку схождения: скорость тридцать метров в секунду, масса плазменного сгустка около трех килограммов, колоссальное тепловое расширение.

Когда пламя было в двух метрах от его лица, Ярослав резко выдохнул и выбросил вперед открытую ладонь, сжав пальцы в полукруг.

Векторное поле истока схлопнулось перед ним в невидимую призму абсолютного торможения.

Ревущий огненный ком врезался в невидимую преграду и застыл на месте. Он не взорвался. Он просто потерял весь свой поступательный импульс, превратившись в висящую в воздухе сферу гудящего огня.

Наверху Воронцов задохнулся на полуслове. Его глаза полезли на лоб.

«Не может быть...» выдавил графский наследник, теряя контроль над дыханием. «Где твоя мана? Где плетение?»

«Твоя физика хромает, дворянин», негромко произнес Ярослав. Его голос прозвучал низко, сухо и хлестко, как щелчок автоматного затвора.

Ярослав сделал короткое вращательное движение кистью, меняя вектор пойманной сферы на сто восемьдесят градусов, и хлестко толкнул воздух ладонью вперед, добавив к массе плазмы собственное кинетическое ускорение.

Огненный шар рванул обратно на набережную с утроенной скоростью.

Раздался глухой хлопок сверхзвукового скачка. Воронцов едва успел выставить перед собой личный амулет рода, когда шар врезался прямо в гранитный парапет у его ног.

Каменный карниз разнесло в пыль и горящие осколки. Взрывная волна швырнула графа на спину, сорвала фуражку и протащила по мокрым булыжникам плаца. Вальц с визгом отпрыгнул назад, прикрывая лицо обожженными рукавами шинели.

Ярослав тем временем уже поднимался по железным скобам. Каждое движение было выверено годами армейского рукопашного боя: опора на три точки, центр тяжести смещен вперед, контроль дыхания.

Через десять секунд он перемахнул через разбитый парапет и ступил на твердый камень набережной. Вода стекала с его промокшей формы, но спина оставалась прямой, а взгляд буравил распластавшихся аристократов ледяным презрением бывалого командира.

Воронцов, кашляя от едкой гари, с трудом приподнялся на локтях. На его щеке багровел глубокий порез от каменного скола, дорогое сукно шинели было перепачкано копотью.

«Ты... ты труп, Соколов», прошипел граф, судорожно пытаясь нащупать на поясе офицерский кортик. «Я потребую полевого трибунала! Ты напал на благородных!»

Ярослав молча сократил дистанцию. Два шага. Он наступил тяжелым мокрым ботинком прямо на кисть Воронцова, вдавливая его холеные пальцы в гранитные камни мостовой.

Раздался сухой, предупреждающий треск сухожилий.

«А-а-а!» взвыл граф, дергаясь всем телом.

«Запомни это ощущение, Воронцов», спокойно сказал Ярослав, глядя в расширенные от животного страха зрачки противника. «В следующий раз, когда ты откроешь свой рот в мою сторону, я не стану возвращать твой огонь в парапет. Я направлю его прямо в твою глотку. Ты понял меня, юнкер?»

Вальц стоял в пяти шагах, боясь шелохнуться, его била мелкая дрожь.

В этот момент со стороны офицерского корпуса раздался быстрый цокот каблуков по брусчатке.

«Прекратить немедленно!» прозвучал звонкий, чистый девичий голос, в котором звенела морозная сталь.

Из тумана на набережную выбежала девушка в белом офицерском полушубке с серебряным шевроном медицинской службы гарнизона. Светлые волосы были убраны под форменную беретку, а тонкие черты лица выдавали чистокровную северную породу.

Княжна Аглая Морозова. Лучший диагност и маг льда на всем курсе.

Она замерла, окинув взглядом разбитый гранит, стонущего на дне дока Мартынова и графа Воронцова, прижатого сапогом бастарда к мостовой. В ее синих глазах вспыхнул искренний шок.

Аглая вскинула руку, и в воздухе мгновенно закружились ледяные снежинки, формируя вокруг нее защитную сферу.

«Соколов? Ты жив?» выдохнула она, не веря собственным глазам. «Твои каналы... медицинская карта показывала полное выгорание еще месяц назад!»

Ярослав убрал ногу с руки Воронцова, повернулся к княжне и слегка наклонил голову:

«Слухи о моей беспомощности оказались преувеличены, сударыня».

Воронцов, воспользовавшись моментом, отполз на четвереньках к Вальцу, тяжело дыша и багровея от неописуемого позора. Он поднялся на ноги, пряча сломанную кисть за пазуху, и злобно сплюнул кровь под ноги Ярославу.

«Ты пожалеешь, бастард», процедил Воронцов сквозь зубы, пятясь в сторону казарм. «Сегодня вечером на общем разводе комендант лично вызовет караульную команду. Тебя сгноят в казематах форта Александр!»

Граф и дрожащий Вальц скрылись в тумане, бросив стонущего Мартынова на дне дока.

Аглая подошла ближе, настороженно глядя на Ярослава. Ее ладонь слабо светилась мягким лазурным светом диагностического плетения.

«Это был не огонь и не холод», тихо, почти шепотом произнесла она, сканируя воздух вокруг его фигуры. «Твоя аура не светится маной. Но гранит расплавлен кинетическим ударом колоссальной мощности. Кто ты такой, Ярослав?»

Ярослав почувствовал, как в глубине его груди, в самом центре пробужденного истока, зарождается новая, еще более мощная пульсация, отзываясь покалыванием в кончиках пальцев.

Его губы тронула холодная, хищная усмешка боевого командира:

«Я тот, кто пришел забрать долги своего рода, княжна. И это только первый взнос».

Глава 2. Кровь и вектор

Запах карболки и сушеной мяты в лазарете гарнизона смешивался с едким духом сожженного гранита, въевшимся в мокрую ткань шинели.

Ярослав сидел на краю жесткой кушетки, застеленной грубым холщовым бельем. Он намеренно сохранял расслабленную позу, но все сенсорные каналы работали на максимуме. В соседней палате стонал Мартынов, которому штабной лекарь вправлял раздробленную кость голени. За стеклянными дверями коридора слышались тяжелые шаги караульных, звон примкнутых штыков и приглушенные, раздраженные голоса офицеров.

Аглая Морозова стояла в шаге от него, сжимая в тонких пальцах серебряный диагностический стилус с навершием из чистейшего морозного хрусталя.

«Не шевелись, Соколов», негромко сказала она, аккуратно касаясь ледяным кончиком стилуса ключицы Ярослава. «Твое правое плечо должно быть синим от внутреннего кровоизлияния. Но ткани восстанавливаются с неестественной скоростью, словно микрокапилляры сами выталкивают застойную кровь».

«Армейская привычка, сударыня», ровным тоном отозвался Ярослав. «Организм солдата обязан терпеть нагрузки, иначе на передовой не выжить».

Княжна вскинула на него внимательный взгляд из-под светлых ресниц:

«На какой еще передовой? Тебе семнадцать лет, из которых последние пять ты провел на хоздворе Кронштадтского корпуса, таская угольные мешки и снося побои столичных юнкеров. До сегодняшнего утра ты слова поперек старшим не смел сказать. А полчаса назад ты вбил в гранит графа Воронцова и вывернул наизнанку плетение молнии барона Вальца».

«Человек меняется, когда его пытаются утопить в ледяной воде», холодно заметил Ярослав. «Инстинкт самосохранения творит чудеса».

«Это не инстинкт, Ярослав», Аглая опустила стилус, ее голос стал едва слышным. «Я целитель шестого ранга. Мой дар видит движение тонких материй. В твоем теле нет маны. Твои меридианы выжжены ритуальным огнем столичной инквизиции. Но когда ты отбросил пламя Воронцова, вокруг твоих рук возникло искажение пространства. Чистый, абсолютный вектор движения. Мой отец читал мне старые хроники допетровских войн. Так сражались древние Соколовы, пока их родовую тайну не объявили государственной изменой».

Ярослав не ответил. Он лишь зафиксировал для себя: девчонка умна, наблюдательна и знает больше, чем положено обычному гарнизонному лекарю. Опасный свидетель, но пока не враг.

В этот момент тяжелая дубовая дверь лазарета распахнулась без стука.

В палату вошел офицер в черном двубортном сюртуке с серебряным шитьем по вороту и узкими погонами без знаков различия. На его боку висела тяжелая кобура армейского образца, а в руках он держал кожаную папку с гербовой печатью Тайного Приказа Российской Империи. Лицо мужчины казалось высеченным из серого базальта: впалые щеки, тонкие бескровные губы и глаза цвета мутного речного льда, в которых не отражалось ни единой человеческой эмоции.

Полковник Магической Канцелярии Архип Воронов.

За его спиной испуганно топтался дежурный капитан гарнизона, но полковник коротким взмахом перчатки приказал ему оставаться за порогом и плотно прикрыл за собой дверь.

«Княжна Морозова», сухо произнес Воронов, даже не взглянув на девушку. «Оставьте нас. Мне необходим приватный опрос подозреваемого».

«Господин полковник, юнкер Соколов находится на медицинском освидетельствовании», спокойно возразила Аглая, не сдвинувшись с места. «У него подозрение на трещину ребра

и общее переохлаждение. Согласно воинскому уставу, допрос раненого допускается только в присутствии военного врача».

Воронов медленно повернул голову к девушке. Воздух в маленькой комнате мгновенно потяжелел, словно атмосферное давление подскочило вдвое.

«Ваш дядя, комендант крепости, уже подписал предписание о передаче дела в особое производство Канцелярии, сударыня», с ледяной вежливостью ответил полковник. «Граф Воронцов подал жалобу о покушении на жизнь благородного лица с применением неустановленного запретного оружия. Вы свободны, Аглая Дмитриевна. Не заставляйте меня вносить вашу фамилию в протокол о препятствовании дознанию».

Аглая поджала губы, бросила быстрый, предостерегающий взгляд на Ярослава и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Воронов пододвинул деревянный табурет, сел напротив Ярослава и положил папку на колени. Его мутные глаза впились в лицо юноши с давящей, удушающей тяжестью.

Ярослав мгновенно ощутил, как невидимые щупальца ментального зонда скользнули к его вискам. Следователь Тайного Приказа работал без предупреждения: опытный менталист пытался проломить поверхностные слои сознания, выдернуть правду о случившемся в доке и подавить волю допрашиваемого до состояния бессловесной покорности.

В прошлой жизни Ярослав проходил жесткую спецподготовку по противодействию психотронным воздействиям и сывороткам правды. Здесь же у него был куда более совершенный инструмент.

Кинетический исток в груди отозвался мгновенно.

Мысль Ярослава сформировала встречный приказ: не ставить психические блоки, которые менталист может расшатать или обойти, а изменить вектор давления спинномозговой жидкости и пульсации крови в височных артериях. Ярослав создал микроскопический обратный гидродинамический импульс прямо навстречу ментальному щупальцу.

Воронов едва заметно дернулся. Его зрачки сузились, а на бледном лбу выступила бисеринка пота. Следователь ощутил, словно его мысленный посыл натолкнулся на раскрученный стальной маховик, отбросивший зонд назад с оглушительной отдачей.

«Интересно», негромко произнес полковник, потирая переносицу в том месте, где кольнула острая головная боль. «Очень интересно. Тысячи допрошенных мятежников, а сопротивление такого уровня я встречал лишь у кавказских абреков и старых мастеров закрытых школ. Откуда у опального бастарда такая дисциплина ума?»

«В Кронштадте ветрено, господин полковник», невозмутимо ответил Ярослав, глядя прямо в глаза следователю. «Голова быстро проясняется, если тебя пытаются утопить в выгребной яме».

«Воронцов утверждает, что ты применил артефакт неизведанного типа», Воронов открыл папку, перелистывая исписанные чернилами листы. «Гранитный парапет дока выкрошен так, словно по нему ударили бронебойным фугасом сорокового калибра. Трое свидетелей заявляют, что ты не произнес ни слова на древнем наречии и не начертал ни единой руны. Чем ты отбил пламя графа, Соколов?»

«Законами механики», сухо парировал Ярослав. «Воронцов не умеет контролировать плотность плазменного заряда. Горячий воздух расширился при соприкосновении с холодным металлом якорной цепи, которую он сам же в меня и бросил. Произошла естественная детонация. А его кисть пострадала, когда он поскользнулся на мокрых камнях, пытаясь убежать от собственного взрыва».

Воронов усмехнулся. В этой усмешке не было ни капли веселья:

«Ты врешь мне в лицо, мальчик. Складно, нагло и с полным пониманием протокола. Обычный испуганный юнкер уже валялся бы у меня в ногах, вымаливая пощаду. Твой отец, покойный князь Дмитрий, держался точно так же на допросе в Петропавловской крепости. Он

тоже твердил, что Соколовы чисты перед престолом. А через трое суток подписал отречение и признал вину».

В груди Ярослава вспыхнула глухая ярость прежнего владельца тела, но офицерский разум мгновенно взял эмоции в железные тиски.

«Мой отец мертв, господин полковник», произнес Ярослав с ледяным спокойствием. «А я жив. Если у Тайного Приказа есть прямые обвинения, выдвигайте их по форме. Если нет, я требую отпустить меня в расположение роты согласно суточному расписанию гарнизона».

Архип Воронов медленно закрыл папку. Его пальцы сжали кожаный корешок с такой силой, что побелели костяшки.

«Ты выйдешь отсюда, Соколов», тихо сказал полковник. «Пока выйдешь. Воронцов-старший уже направил депешу из Сената, требуя твоей головы. Комендант не станет ссориться с графом. Но меня интересует другое. Если в тебе действительно проснулась та самая кровь, из-за которой пять лет назад сожгли Соколиный Яр, то живым тебе из Кронштадта не уйти. Я буду наблюдать за каждым твоим вздохом. Оступишься на полвершка, и никакие законы механики тебя не спасут».

Полковник поднялся и вышел из палаты, оставив после себя тяжелый дух казенной угрозы.

Ярослав выждал десять минут, прислушиваясь к звукам коридора.

Караульные у дверей сменились. До вечерней поверки оставалось около двух часов. Оставаться в лазарете или возвращаться в казарму, где Воронцов и Вальц готовили новую подлость, было верхом глупости. Настоящая война требовала ресурсов, оружия и союзников.

Ярослав бесшумно встал, снял больничный халат и натянул свою просохшую у печи форму. Окно палаты выходило во внутренний хозяйственный двор, заваленный штабелями угольных ящиков.

Он приоткрыл раму. Векторное усилие на петли, легкое гашение скрипа ржавого металла, и створка распахнулась без единого звука. Ярослав выскользнул в промозглые сумерки балтийского вечера, спрыгнул на сырой снег, погасив инерцию падения в коленях, и растворился в тени ремонтных ангаров.

Путь лежал к старым портовым докам, в самую глухую часть кронштадтских трущоб.

Там, среди заброшенных угольных складов и полусгнивших барж, находилась частная механическая мастерская, куда брезговали заглядывать столичные офицеры. В памяти прежнего Ярослава это место было отмечено единственным светлым пятном: сюда юноша тайком бегал, когда голод и побои в корпусе становились невыносимыми.

Мастерскую держал старик, которого все в порту звали хромым Захарычем.

Ярослав проскользнул мимо портовых патрулей, используя естественные складки местности и тени от угольных эстакад. У низкой бревенчатой постройки с закопченными окнами он остановился, прислушиваясь. Изнутри доносился ритмичный стук кузнечного молота по наковальне и тяжелое, хриплое дыхание.

Ярослав толкнул обитую железом дверь и шагнул внутрь.

В помещении пахло раскаленным железом, машинным маслом и дешевым махорочным табаком. У горна спиной к входу стоял широкоплечий старик с седой гривой нечесаных волос и мощным торсом ветерана тяжелой пехоты. Его левая нога была закована в грубый шарнирный протез из кованой стали.

«Закрыто», не оборачиваясь, бросил старик, опуская клещи с раскаленной деталью в чан с водой. Повалил густой белый пар. «Шел бы ты отсюда, парень. Ночью в доках чужие не ходят».

«А свои, дядя Тимофей?» тихо спросил Ярослав.

Старик замер. Рука с тяжелым молотом медленно опустилась. Он резко повернулся, вглядываясь в лицо гостя воспаленными от горнового жара глазами.

Тимофей Захарович Беркутов. Бывший старший десятник личной гвардии князя Дмитрия Соколова. Человек, потерявший ногу при штурме родового замка и чудом избежавший петли Тайного Приказа.

«Ярослав?» хрипло выдохнул старик, делая шаг вперед и хромая на железный протез. «Ты с ума сошел? По порту слух идет, комендант поднял в ружье караульную роту! Говорят, ты чуть не утопил сынка графа Воронцова и переломал кости столичным щенкам!»

«Не чуть не утопил, а дал понять, что охота на Соколовых окончена», ответил Ярослав, подходя к верстаку.

Беркутов остановился в двух шагах, жадно вглядываясь в осанку юноши. Старый служака, прошедший три войны, мгновенно приметил то, чего не могли разглядеть столичные мажоры: исчезла вечная сутулость забитого подростка, взгляд стал прямым, жестким и холодным, а плечи расправились в безупречной офицерской стойке.

«Господи праведный...» прошептал старик, и его огрубевшие пальцы мелко задрожали. «Взгляд-то... взгляд точь-в-точь как у твоего деда, князя Святослава, когда мы брали укрепления под Шипкой. Ярослав Дмитриевич, неужто печать спала?»

«Печать сгорела, Тимофей», подтвердил Ярослав. «И исток проснулся. Мне нужно оружие. Мне нужно то, что вы смогли спасти, когда пал Соколиный Яр».

Старик тяжело сглотнул, оглянулся на запертую дверь мастерской и подошел к дальней стене, заваленной тяжелыми чугунными маховиками паровых лебедок.

«Пять лет ждал», глухо заговорил Беркутов, отодвигая трехпудовую железную болванку одной рукой с невероятной силой старого воина. «Каждую ночь молил предков, чтобы род не угас в безвестии. Князь Дмитрий перед гибелью велел беречь это пуще глаза. Сказал: если бастард выживет и в нем заговорит кровь, отдай. Если сломается, утопи в море».

Старик нажал на скрытую заклепку в кирпичной кладке пола. Раздался протяжный скрежет пружин, и тяжелая плита фундамента медленно ушла вниз, открывая узкий гранитный спуск в глубокий подземный бункер.

Из черного провала пахнуло сухим озоном, холодной оружейной смазкой и древней, незнакомой силой.

В тот же миг в глубине подземелья, словно отвечая на биение сердца Ярослава, глухо и грозно загудел металл. Родовой артефакт Соколовых пробуждался от пятилетнего сна, признавая своего истинного хозяина.

Глава 3. Родовое железо

Гранитные ступени круто уходили во тьму, огибая массивный фундамент старых петровских доков.

Ярослав спускался первым, держа руку у бедра в постоянной готовности к броску. Тимофей Беркутов тяжело опирался на перила, скрипя кованым шарниром протеза, но в его движении чувствовалась несокрушимая устойчивость старого пехотного унтер-офицера. В левой руке старик нес керосиновую лампу в медном защитном кожухе.

Желтое пламя фитиля выхватило из темноты круглый сводчатый каземат.

Здесь не было пыли или сырости. Стены были выложены серым блочным гранитом, стыки между камнями залиты тугоплавким свинцом, а по всему периметру потолка тянулись толстые медные шины контура заземления. В центре комнаты на массивном дубовом постаменте покоился продолговатый ящик из черненого оружейного чугуна, запечатанный четырьмя навесными замками с гербом Соколовых: пикирующий сокол, сжимающий в когтях сломанную стрелу.

«Пять лет эта сталь не видела солнечного света», тихо сказал Тимофей, ставя лампу на каменный выступ. «Когда каратели князя Шуйского жгли усадьбу на Охте, я успел вывезти три ящика на портовой шаланде. Два перехватили досмотрщики Тайного Приказа у Лисьего Носа. А этот я на своем горбу дотащил до Кронштадта и замуровал под горном».

Старик достал из-за пазухи тяжелый стальной ключ с замысловатой внутренней бородкой, вставил в центральный замок и повернул трижды.

Раздался сухой, упругий щелчок. Тяжелая крышка отошла с протяжным вздохом выходящего разреженного воздуха.

Ярослав подошел ближе и заглянул внутрь.

На выцветшем синем бархате лежали два массивных наруча из темного, матового металла, похожего на метеоритный чугун. Металл не блестел, он словно впитывал свет керосиновой лампы, отдавая вокруг себя легким морозным маревом. По внешней стороне наручей змеились глубокие гравированные каналы, образующие сложнейшую сеть векторных резонаторов, а на внутренней стороне тускло мерцали пластины из чистейшего алтайского серебра.

Рядом лежали шесть тонких метательных пластин из того же сплава и широкий офицерский пояс из сыромятной воловьей кожи с латунными гнездами для мелких стальных сердечников.

«Кованая метеоритная сталь с добавлением лунного вольфрама», благоговейно произнес Беркутов. «Работа личного мастера твоего прадеда. Эти наручи не проводят ману. Любое стихийное плетение они гасят, как сухой песок гасит пламя свечи. Но для человека с кинетическим ядром они служат концентратором. Они собирают рассеянный импульс тела в единую иглу и снимают нагрузку с костей предплечья. Без них при сверхзвуковом ударе твои собственные сухожилия порвутся в клочья».

Ярослав протянул руки и взял наручи.

Металл оказался неожиданно тяжелым, плотным и ледяным на ощупь. Но стоило Ярославу защелкнуть пружинные замки на своих предплечьях, как холод мгновенно сменился яростным, обжигающим жаром.

Кинетический исток в груди отозвался мощным толчком.

Вольфрамовые каналы на наручах налились тусклым багровым свечением. Ярослав почувствовал, как границы его собственного тела расширились: воздух вокруг предплечий стал плотным, осязаемым, словно жидкая ртуть. Малейшее движение пальцев отзывалось упругим сопротивлением пространства.

Ярослав сжал кулак. Воздух перед его костяшками с хлопком сжался, выдав короткий свист преодолеваемого звукового барьера.

«Идеальный баланс», констатировал Ярослав, оценивая развесовку. «Оружие победы, Тимофей. Ты спас честь рода уже тем, что сохранил эту сталь».

«Служу Соколовым», глухо ответил старик, и в его единственном здоровом глазу блеснула скупая слеза. «Только помни, Ярослав Дмитриевич: в Петрограде сидят волки. Князь Шуйский не успокоится, пока не убедится, что последний Соколов гниет в земле. Если в столице узнают, что наручи у тебя...»

Договорить ветеран не успел.

Сверху, из помещения мастерской, донесся глухой удар, звон разбитого оконного стекла и отчаянный юношеский вскрик:

«Помогите! Дядя Тимофей, ради бога!»

За криком последовал грубый, хриплый гогот нескольких глоток и треск ломаемой деревянной перегородки:

«Куда рванул, щенок? Думал, в кузнице от долгов спрячешься? Выворачивай карманы, падаль, пока пальцы не переломали!»

Ярослав и Тимофей переглянулись.

«Гришка Макаров», нахмурился старик, хватаясь за тяжелый пехотный тесак, висевший на стене бункера. «Паренек с третьего курса механиков. Сирота, из мещан, светлая голова по части рунных двигателей. Его столичные господа давно на проценты посадили за испорченный карбюратор графского маномобиля».

«Оставайся здесь, Тимофей», коротко приказал Ярослав, опуская рукава шинели, чтобы скрыть черненый металл наручей. «Твоя нога будет только мешать. Я сам разберусь».

«Ярослав, там портовые головорезы!» крикнул старик в спину юноше. «Они людей режут без разговоров!»

Ярослав уже взлетал по ступеням, двигаясь с бесшумной грацией натренированного диверсанта.

Он выскользнул в полутемное помещение мастерской.

Картина была ясной с первого взгляда. У наковальни, прижавшись спиной к потухшему горну, сидел щуплый вихрастый парень в перепачканной мазутом юнкерской куртке. Его нос был разбит, под глазом наливался лиловый кровоподтек, а руки судорожно прижимали к груди медную деталь рунного распределителя.

Над ним нависали трое здоровяков в промасленных кожаных жилетах портовых грузчиков. У главаря, рябого громилы с выбитыми передними зубами, в правой руке поблескивал тяжелый кованый ломик, а двое подручных сжимали длинные флотские швайки.

«Отдай распределитель, гнида», глумился рябой, сплевывая сквозь зубы. «Графские лакеи за эту штуку полсотни целковых отвалили. Ты ее починил, мы ее забираем в счет твоего долга, а тебе еще двадцать рублей сверху набежало за просрочку».

«Не отдам!» хрипел парень, сжимая зубы. «Это деталь казенного катера! Меня под трибунал отдадут!»

«А ты до трибунала не доживешь, щенок», осклабился громила, занося ломик над головой парня.

«Опусти железо», прозвучал спокойный, ледяной голос от входа в подземелье.

Громила замер, недовольно скосил глаза и уставился на Ярослава. Подручные с швайками синхронно развернулись, оценивая помеху.

«Ты еще кто за хмырь?» сплюнул рябой, оглядывая худую фигуру Ярослава в мокрой шинели без знаков различия. «Юнкерок недобитый? Проваливай отсюда, пока кишки не выпустили. У нас с пацаном свои расчеты».

«В этой мастерской расчеты веду я», ответил Ярослав, медленно сокращая дистанцию. «Положите чужое имущество на верстак, оставьте парня в покое и убирайтесь из Кронштадта на первом же утреннем пароме. Даю один шанс».

Бандиты переглянулись и заржали во всю глотку.

«Слыхали, пацаны? Благородное чмо нам условия ставит!» рябой махнул ломиком в сторону Ярослава. «Колька, пусти ему юшку, чтоб не вякал!»

Один из подручных, коренастый боец с перебитым носом, сделал резкий выпад вперед, целясь длинной граненой швайкой точно в печень Ярослава. Удар был поставлен профессионально, с доворотом кисти, рассчитанный на мгновенную смерть.

Ярослав даже не покачнулся.

Офицер спецназа встретил выпад на полушаге. Левая рука Ярослава скользнула навстречу лезвию. Векторный наруч под рукавом отозвался короткой пульсацией.

В момент, когда острие швайки коснулось ладони Ярослава, сталь не пробила кожу. Кинетический вектор острия мгновенно развернулся под прямым углом вверх. Тяжелая флотская швайка с оглушительным звоном вылетела из пальцев нападающего, вонзилась в массивную дубовую балку потолка по самую рукоять и задрожала, словно струна.

Нападающий ошарашенно уставился на свою пустую ладонь, по которой пробежала судорога.

«Моя очередь», негромко сказал Ярослав.

Короткий тычок основанием ладони в солнечное сплетение бандита. Ярослав не вкладывал силу мышц: он просто направил кинетический импульс весом в двести килограммов прямо сквозь грудную клетку противника.

Раздался сухой хруст ребер. Бандита оторвало от пола и швырнуло через всю кузницу. Он с грохотом снес верстак с инструментами, сбил тиски и затих на полу, пуская кровавую пену.

Второй подручный отшатнулся с побелевшим лицом:

«Он маг! Рябой, у него плетение!»

«Какое плетение, дубина, он руками не махал!» взвыл главарь. В его глазах вспыхнул страх, переходящий в бешеную ярость. «Завалю, сука!»

Рябой перехватил тяжелый кованый лом двумя руками и с диким замахом обрушил его по диагонали, целясь снести Ярославу голову. Скорость удара была чудовищной: три пуда железа, разогнанные весом взрослого мужика.

Ярослав опустил правую руку в карман шинели, нащупал пригоршню медных пятаков и стальных шарикоподшипников, взятых с верстака, и выкатил одну трехкопеечную медную монету на подушечку большого пальца.

Движение было едва уловимым для человеческого глаза.

Ярослав щелкнул пальцем, направив импульс истока через метеоритный наруч прямо в ребро монеты.

Раздался хлесткий, сухой хлопок, похожий на щелчок бича при преодолении скорости звука.

Медный кругляш сорвался с пальца с начальной скоростью восемьсот метров в секунду. Монета пробила полудюймовый стальной лом прямо посередине, срезав металл, словно раскаленный нож срезает масло, и вошла в кирпичную стену позади громилы на глубину ладони.

Остаток лома с визгом выкрутило из рук рябого, содрав кожу с ладоней.

Громила застыл на месте, парализованный ужасом. Он тупо смотрел на ровную дыру в перебитом ломе, из которой шел легкий сизый дымок, а затем медленно поднял глаза на Ярослава.

«Что... что ты такое?» прохрипел бандит, пятясь к выходу и оставляя кровавые следы на полу.

«Я законный владелец этой земли», произнес Ярослав, и в его голосе прозвучала такая ледяная мощь, что у бандита подогнулись колени. «Забирай своих подельников и беги. Если через пять минут я увижу хоть одного из вас в порту, следующая монета пройдет через твой лоб. Исчезни».

Громилу не нужно было уговаривать дважды. Вцепившись в воротник стонущего товарища, он выволок его за дверь, подгоняемый вторым подручным, и топот их сапог мгновенно стих в сыром тумане причала.

В мастерской воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием остывающего горна.

Вихрастый юнкер медленно поднялся на ноги, все еще прижимая к груди медную деталь. Его глаза были круглыми от благоговейного изумления. Он переводил взгляд с пробитого лома на кирпичную кладку, а затем упал на одно колено перед Ярославом:

«Сударь... вы спасли мне жизнь. Я видел магов огня, видел столичных виртуозов молнии, но никто из них не способен пробить стальной лом монетой без рунного круга! Кто вы?»

Ярослав подошел к парню и протянул ему руку, заставляя подняться:

«Встань, юнкер. Перед своими на колени не падают. Меня зовут Ярослав Соколов».

Парень вздрогнул, словно его ударило током:

«Соколов? Тот самый бастард, которого травит граф Воронцов?»

«Тот самый», подтвердил Ярослав. «А ты, как я слышал, мастер по рунным механизмам, Григорий?»

«Григорий Макаров, сударь», горячо отозвался парень, вытирая рукавом кровь под носом. «Я с малых лет при портовых двигателях. Любую рунную матрицу могу настроить по звуку поршня. Если вам нужна верность, жизнь моя теперь ваша. Я никогда не забуду того, что вы сделали».

«Мне нужна не твоя жизнь, Григорий, а твои руки и голова», твердо сказал Ярослав. «Мы восстановим этот арсенал. Но сначала нужно пережить сегодняшнее утро».

Из подвала поднялся Тимофей, пряча тесак в ножны. Старик одобрительно кивнул, глядя на пробитую стену:

«Добрая работа, Ярослав Дмитриевич. Рука деда. Но в казарму тебе пора бежать: скоро горн на поверку протрубит».

Ярослав пожал руку Макарову, поправил шинель и растворился в предрассветных сумерках Кронштадта.

Он успел проскользнуть в окно лазарета ровно за десять минут до общего подъема. Переодевшись в сухое парадное обмундирование, Ярослав вышел в общий коридор.

Навстречу ему скорым шагом шел дежурный капитан гарнизона в сопровождении двух вооруженных караульных с карабинами наперевес. Лицо офицера было мрачнее грозовой тучи.

«Юнкер Соколов!» гаркнул капитан, останавливаясь в двух шагах и вскидывая подбородок. «Именем коменданта крепости приказываю немедленно сдать личный номерной жетон!»

Ярослав даже бровью не повел:

«В чем причина приказа, господин капитан?»

Офицер развернул гербовый пакет с красной сургучной печатью инспекционного департамента:

«Срочная депеша из Санкт-Петербурга. Через два часа на плацу начнется внеочередной смотр гарнизона перед лицом столичной комиссии Сената. Барон Родион Вальц и граф Воронцов заявили особое право на испытание чести. Ты вызван в первый круг перед всем офицерским корпусом крепости. Отказ означает немедленный трибунал и каторгу».

Капитан скривился в злорадной ухмылке, ожидая увидеть в глазах бастарда привычный животный ужас.

Но Ярослав лишь холодно улыбнулся уголками губ, чувствуя под манжетами шинели тяжелый, уверенный холод метеоритных наручей:

«Передайте господам инспекторам, капитан: бастард рода Соколовых принимает вызов».

Глава 4. Плац унижений

Серый гранит Большого Кронштадтского плаца блестел от тонкой корки утреннего наста.

Три юнкерских батальона стояли в парадном каре: идеальное равнение шеренг, примкнутые граненые штыки карабинов, синие суконные шинели с серебряным кантом. Балтийский ветер срывал с залива колючую ледяную крупу, но никто из строя не смел шелохнуться. На трибуне, возвышавшейся над плацем у Адмиралтейских ворот, собрался весь офицерский цвет гарнизона во главе с комендантом крепости, генералом Морозовым.

Рядом с генералом, кутаясь в роскошную соболью шубу поверх сенаторского мундира, стоял тайный советник граф Илья Воронцов, специально прибывший утренним скоростным катером из Санкт-Петербурга. Чуть поодаль, в белом медицинском полушубке, замерла княжна Аглая, напряженно вглядываясь в ряды штрафной роты.

Ярослав стоял на левом фланге последней шеренги. Его форма была вычищена до идеального армейского блеска, подбородок поднят, а в глазах не было ни тени страха. Под длинными манжетами шинели черные метеоритные наручи мягко согревали кожу предплечий, удерживая кинетическое ядро в боевом тонусе.

Григорий Макаров стоял в соседнем ряду механиков, бледный как полотно, то и дело бросая тревожные взгляды на трибуну.

Барабанный бой внезапно оборвался.

К центру плаца, чеканя шаг по обледенелым булыжникам, вышел барон Родион Вальц. На нем был легкий дуэльный колет из темно-зеленого бархата с золотыми застежками, не сковывающий движений. На холеном лице играла высокомерная, презрительная усмешка человека, уверенного в абсолютной безнаказанности. За его спиной, опираясь на перевязь с забинтованной кистью, стоял Виктор Воронцов, чьи темные глаза горели жаждой кровавой мести.

Вальц остановился перед строем, картинно снял замшевую перчатку и вскинул руку в сторону трибуны:

«Господин комендант! Господа сенаторы! Согласно параграфу двенадцатому Воинского Устава Петра Великого о дворянской чести в гарнизонах, я, барон Родион Вальц, заявляю об оскорблении достоинства благородного сословия! Среди нас находится лицо, чье присутствие в императорском корпусе оскверняет знамя полка. Беспамятный бастард и выродок мятежного рода Соколовых посмел поднять руку на наследника графского престола!»

По рядам юнкеров прокатился сдержанный гул. Офицеры переглянулись, но генерал Морозов мрачно хранил молчание, бросая косые взгляды на усмехающегося сенатора Воронцова.

«Я требую права полевой сатисфакции здесь и сейчас!» звучно выкрикнул Вальц, поворачиваясь к штрафной шеренге. «Я вызываю бастарда Ярослава Соколова на показательное испытание покорности! Либо он встанет на колени перед знаменем и признает вечное холопство перед родом Воронцовых, либо я выжгу его дрянную плоть молнией прямо на этих камнях!»

Столичный щеголь упивался моментом. Он знал, что у Соколова, по официальным бумагам, не было ни капли магии. Это было не испытание чести, а публичная казнь, облеченная в рамки старинного дворянского обычая.

Сенатор Воронцов на трибуне слегка кивнул сыну, давая негласное благословение на расправу.

«Юнкер Соколов!» раздался сухой голос батальонного командира. «Выйти из строя на середину плаца!»

Григорий Макаров судорожно втянул воздух:

«Сударь... он же убьет вас...»

«Стоять смирно, рядовой», негромко скомандовал Ярослав, не оборачиваясь. «Держи строй».

Ярослав сделал шаг вперед.

Его походка была безупречной: строевой прусский шаг боевого офицера, размеренный, уверенный, отдающийся тяжелым, ровным стуком каблуков по граниту. Ни малейшей суеты, ни тени колебаний. Он вышел на середину свободного пространства, остановился ровно в семи шагах от Вальца и замер по стойке смирно, заложив руки за спину.

Вальц скривился в глумливой гримасе:

«Ты так и не понял своего места, нищий пес. Думал, вчерашняя случайность спасет тебя от суда рода? Здесь открытый воздух, Соколов. Твои доковые трюки тут не сработают. На колени. У тебя три секунды, пока я не начал плетение».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.